

Политические процессы и практики

ГАДЖИЕВ Камалудин Серажуудинович — д.и.н., профессор, главный научный сотрудник Институт мировой экономики и международных отношений РАН (117997, Россия, г. Москва, ул. Профсоюзная, 23; gajievks@mail.ru)

ЛИБЕРАЛЬНО-КОНСЕРВАТИВНЫЙ КОНСЕНСУС В СТРАНАХ ЗАПАДА

Аннотация. В статье предпринята попытка выделить и проанализировать некоторые важнейшие, на взгляд автора, аспекты либерально-консервативного консенсуса, сформировавшегося в индустриально развитых государствах Запада во второй половине XX в. Показано, что, начиная с конца XIX в., особенно после Второй мировой войны, в ведущих течениях общественно-политической мысли, таких как либерализм, консерватизм и социал-демократия, служивших идеологической основой соответствующих политических партий, произошли более или менее существенные изменения. Суть этих изменений состояла в сближении позиций их представителей по некоторым ключевым вопросам общественно-политического устройства и путей решения социальных и экономических проблем, что и стало основой формирования консенсуса между наиболее продвинутыми представителями этих течений и соответствующими политическими силами.

Ключевые слова: либерализм, консерватизм, социал-демократизм, политика, партии, консенсус, государство, реформы и др.

Во второй половине XX в. в индустриально развитых странах Запада начало формироваться своеобразное либерально-консервативное согласие (консенсус) между умеренным крылом консервативного лагеря и либералами по некоторым важнейшим вопросам социальной и экономической политики государства. При общности базовых принципов национальные разновидности консенсуса обладали своей спецификой. Если в США имел место либерально-консервативный консенсус, то в большинстве стран Западной Европы речь шла о согласии между социал-демократами, либералами и консерваторами.

Этот консенсус базировался на принятии представителями большинства политической элиты названных течений общественно-политической мысли и соответствующих политических партий, движений, объединений основополагающих ценностей, принципов, установок, моделей решения стоящих перед обществом проблем. В этом плане ключевое значение имел тот факт, что на протяжении всего XX столетия со всей очевидностью выявилась в основе своей социально-охранительная природа социально-философских и идейно-политических основ либерализма, консерватизма и социал-демократии. Как отмечал один из крупных представителей американского либерализма А.М. Шлезингер-мл., цель либералов всегда состояла не в том, чтобы разрушить капитализм, а в том, чтобы «удержать капиталистов от его [капитализма] разрушения, защитить капитализм от крайностей капиталистов» [Schlesinger-jr. 1948: 522]. Либералы и социал-демократы предлагали более гибкие средства защиты капиталистической системы, нежели консерваторы. При этом они были едины во мнении по вопросам, касающимся защиты капитализма, и расходились лишь в выборе средств достижения этой цели.

Если в XIX в. представители традиционного консерватизма типа Ж. де Местра и Л. Де Бональда придерживались преимущественно антибуржуазных, антикапиталистических ценностей и установок, то с конца XIX, особенно в первые десятилетия XX в., приспособившись к социально-экономическим и общественно-политическим изменениям, они приняли либеральную идею частной собственности, рыночной экономики, политической демократии и правового государства. В этом направлении ключевую роль сыграл тот факт, что в последней трети XIX в. идеология классического либерализма, в которой центральное место занимали идеи индивидуализма и свободной конкуренции, претерпела своеобразную инверсию, встав на защиту интересов набиравших в тот период вес и влияние корпораций.

С этой точки зрения немаловажное значение имел тот факт, что после Второй мировой войны консерватизм внес в свои социально-философские и идейно-

политические доктрины ряд важных изменений, призванных подновить и усилить его социально-охранительную направленность. Если сторонники классического консерватизма с тревогой и страхом взирали на неодолимое шествие промышленности и науки, ломавшее устои традиционной жизни, создавая тем самым реальную угрозу господствующему положению аристократии — этой наиболее решительной защитницы статус-кво, то послевоенный консерватизм в целом при всех оговорках отдельных его представителей принимает ценности, принципы, установки и институты реформированного капитализма и «государства благосостояния». Консерваторы стали руководствоваться многими принципами, которые составляли основу либеральных, а в Европе — также социал-демократических партий.

Анализ процессов развития общественно-политической мысли показывает все более отчетливо проявляющуюся в течение большей части XX — начале XXI в. тенденцию к своему рода конвергенции между различными ее течениями, прежде всего либерализмом, консерватизмом и социал-демократией. Так, Д. Эйзенхауэр в 1952 г., одержав победу на президентских выборах, утверждал, что не видит противоречий между либерализмом и консерватизмом и что его правительство будет «консервативным» в области экономической политики и «либеральным» в деле «достижения благосостояния» народа. Сенатор Э. Стивенсон, служивший идеалом для многих либералов, во время той же избирательной кампании заявлял: «...странная алхимия нашего времени определенным образом превратила демократов в истинно консервативную партию нашей страны» [Hofstadter 1965: 43]. В том же духе специальный советник президента Л.Б. Джонсона Э. Голдман в проекте президентского послания конгрессу «О положении страны» в 1963 г. писал: «Сегодня все мы в буквальном смысле являемся либералами, и все мы являемся консерваторами — все движемся в направлении нового американского консенсуса» [Goldman 1969: 51].

Подчеркивая невозможность строгого разграничения либерализма и консерватизма, другой американский историк К. Росситер утверждал, что многие положения консерваторов разделяются либералами. По его словам, в течение одного столетия — от Э. Берка до У. Черчилля — консерватизм подвергся «либерализации», либерализм в свою очередь стал более консервативным. Либерализм, который некогда носил радикальный характер, теперь, по словам Росситера, говорит «консервативными фразами о несовершенстве природы человека, единстве прав и обязанностей... Оба они преданы свободе. Но консерватор считает ее чем-то таким, что нужно сохранить и защищать, а либерал — тем, что следует усовершенствовать» [Rossiter 1955: 58]. По его мнению, промежуточное положение между «чистыми» либералом и консерватором занимает «самый либеральный из консерваторов и в то же время самый консервативный из либералов», ибо «в истинных либералах присутствует элемент консерватизма, а в истинных консерваторах — элемент либерализма». По его словам, консерватизм и либерализм являются «братьями в борьбе против тех, кто спешит к утопии или назад в Эдем» [Rossiter 1955: 12-13].

При этом важно учесть заслугу представителей либерализма, которые внесли первоначальный главный вклад в формулирование и реализацию основных идей, ценностей и институтов современной западной политической системы, отождествляемой с демократией, такие как права и свободы человека и гражданина, разделение властей, подчинение государственной власти праву, парламентаризм и др. В этом контексте либерализм представляет собой необходимое условие демократии. Поэтому и говорят о «либеральной демократии», противопоставляя ее различным формам псевдодемократии — социалистической, народной, тоталитарной и т.д.

Однако вместе с тем нельзя забывать, что демократия не сводится исключительно к либерализму. Она не есть результат реализации принципов, установок ценностной исключительно какого-либо одного «изма», в т.ч. и либерализма, каким бы важным этот «изм» ни был. В противном случае это была бы опять же не демократия, т.е. не власть народа или, во всяком случае, не большинства его, а лишь части, придерживающейся либеральных принципов. Жизнеспособность и эффективность либеральной демократии в решающей степени обуславливались тем, что, интегрируя почти все жизнеспособные и показавшие свою эффективность идеи, нормы, прин-

ципы, она была открыта во всех направлениях — вправо, влево, в центр, в прошлое и настоящее.

Поскольку народ есть не некая арифметическая сумма всего множества отдельно взятых атомистически понимаемых индивидов, а органическая совокупность множества социокультурных, этнических, конфессиональных, соседских и иных общностей, то без них демократию как власть большинства народа невозможно представить. Одной из базовых установок либерализма является признание верховенства прав и свобод человека над всеми остальными ценностями. Но при этом очевидно, что в правовом государстве свобода без законопослушания и без ответственности отдельного человека за свои действия подпадает под понятие не свободы, а правонарушения. Группа, коллектив, сообщество, этнос, государство играют незаменимую роль при создании условий для их гарантии и защиты. На микроуровне в общинных, коммунитарных, традиционалистских структурах, по сути дела, действует внутренняя демократия, в них существуют довольно эффективные коллективистские формы и методы принятия решений. К тому же склонность подчинять личные интересы интересам коллектива может благоприятствовать достижению консенсуса, служить своеобразным гарантом законопослушания граждан. При таком понимании гетерогенность общества, выражающаяся в существовании множества этнических, конфессиональных, родовых, клиентелистских и иных группировок, общностей и связей, не обязательно может стать фактором, препятствующим принятию и утверждению демократических принципов.

В этой связи интересной представляется позиция тех авторов, по мнению которых «Япония — это открытое общество весьма закрытых групп». Иначе говоря, в этой стране политическая макроструктура в виде парламентской демократии, конституционализма, правового государства, многопартийности и других атрибутов классической демократии создана при сохранении групповых, коллективистских, солидаристских начал. В этой плоскости ключевая роль принадлежит ценностям, принципам, установкам консерватизма.

Этими реалиями объясняется тот факт, что для многих демократических стран характерна система периодической смены у власти представителей левоцентристского и правоцентристского полюсов идейно-политического спектра, т.е. либералов и консерваторов. Такую систему применительно к США вышеупомянутый А.М. Шлезингер-мл. назвал «циклами американской истории». По его мнению, либералы, придя к власти, осуществляют далеко идущие социальные и экономические реформы, а консерваторы в свою очередь, положив конец реформам, тем не менее не отказываются от тех перемен, которые были осуществлены либералами.

В последние пять-шесть десятилетий имели место 4 таких цикла: в 50-х гг. минувшего века, когда к власти пришли республиканцы во главе с Д. Эйзенхауэром; в конце 60-х — первой половине 70-х гг. при президенте Р. Никсоне; в 80-х гг. при президенте Р. Рейгане и в нулевых годах, когда у руля власти стоял Дж. Буш-мл.

В борьбе, развернувшейся в республиканской партии еще в период «нового курса» Ф. Рузвельта, сложилась влиятельная группа умеренных республиканцев, которые высказывались за определенную переоценку традиционных концепций республиканизма и *laissez-fair* в сторону более широкого толкования роли и функций федерального правительства в социальной и экономической сферах. Сохраняя приверженность принципам свободной конкуренции, они вместе с тем вынуждены были принять отдельные идеи и реформы «нового курса» и пойти на частичное одобрение социальных программ демократов.

Обосновывая необходимость пересмотра некоторых постулатов консерватизма, один из наиболее креативных представителей этого течения П. Вирек писал: «Тотальный кризис — моральный, культурный и политический — требует не только действия, но и универсального принципа для действия». И этот принцип Вирек видел в «интернациональном гуманистическом консерватизме», призванном «сдерживать и ограничивать человека» [Viereck 1962: 118]. В статье «О берковском новом консерватизме», написанной еще до Второй мировой войны, Вирек разъяснял, что приставка «новый» к слову «консерватизм» означает «нереспубликанский» (неиндивидуалистский), «некоммерческий», «неконформистский», т.е. отказ от

старого республиканизма сторонников *laissez faire* и в то же время синтез социальных реформ «нового курса» с более пессимистическими, «антимассовыми» принципами консерватизма «отцов-основателей» берковского толка [Viereck 1964: 64].

Следует отметить, что послевоенные консерваторы были склонны время от времени, особенно когда дело касается экономической сферы, обращаться к риторике в духе идей *laissez-fair* и ничем не ограниченной свободной конкуренции. Например, Д. Эйзенхауэр, будучи президентом, иногда всерьез говорил о необходимости «повернуть стрелку часов назад» и ограничить внутривнутриполитическую деятельность федерального правительства. Но в целом представители «нового консерватизма» или нового республиканизма пытались найти некую среднюю линию между *laissez-fair* и либеральным реформизмом Ф. Рузвельта.

Новым этапом трансформации взаимоотношений между либерализмом и консерватизмом стали 80-е гг., для которого стала характерна так называемая неоконсервативная волна. Здесь уместно напомнить, что неоконсерватизм 80-х гг. нельзя путать с новым консерватизмом 50-х гг. Дело в том, что если новый консерватизм перенял у либеральных реформаторов из лагеря демократов те или иные ценности и принципы государственного вмешательства в экономику и социальную сферу, при этом сохранив приверженность ценностям традиционного консерватизма, то неоконсерваторы подвергли существенной ревизии некоторые его базовые положения. Ключевую роль в этом процессе сыграли И. Кристол, С. Липсет, Д. Белл, П. Мойнихен, Н. Подгорец, Дж. Киркпатрик и др. Как правило, в качестве одного из важнейших элементов традиционного консерватизма рассматривается неприятие или неприязнь к идеологии, теориям или разного рода концепциям переустройства общества и государства. Устами одного из лидеров американского неоконсерватизма И. Кристола консерваторы заявили, что «неидеологическая политика – это безоружная политика» [Commentary 1984: 45].

Поэтому он ратовал за реидеологизацию государственной политики, прежде всего во внешнеполитической сфере.

Идеологизация или реидеологизация данного варианта консерватизма выражается в защите его представителями принципов свободнорыночных отношений, индивидуализма, свободной конкуренции, в критике государственного вмешательства, «государства благосостояния», социальных реформ и т.д. Эти и подобные им установки, как известно, нашли отражение в позициях так называемого Вашингтонского консенсуса, который пользовался довольно заметным влиянием в 90-х – начале нулевых годов.

Возможно, такая на первый взгляд несвойственная для консервативного менталитета позиция объясняется тем фактом, что большинство американских неоконсерваторов, например И. Кристол, С. Липсет, Д. Белл, П. Мойнихен, Н. Подгорец, Дж. Киркпатрик, – бывшие социал-демократы и перебежчики из либерального лагеря. В молодости многие из них придерживались социал-демократических, коммунистических и даже троцкистских воззрений. Немецкий неоконсерватор Г.-К. Кальтенбруннер вышел из леволиберальных кругов, Г. Машке в конце 60-х гг. увлекался идеями студенческого самоуправления, Х. Люббе и А. Шван – бывшие социал-демократы.

Традиционно консерватизм отождествлялся с защитой статус-кво, существующих в каждый конкретный исторический период институтов, социальных структур, ценностей и т.д. Что касается неоконсерваторов, то они выступили инициаторами перемен. Лейтмотивом их выступлений и предвыборной платформы Республиканской партии и команды Р. Рейгана стало обещание перемен. Объявив о «смене тенденции», ее представители выдвинули лозунг «консервативного обновления». Их словарь изобилует такими понятиями, как «поворот», «переоценка ценностей», «новая ориентация», «консервативное обновление» и др.

Более того, консерваторы объявили себя радикалами и революционерами. Подчеркивая, что речь идет отнюдь не о «реставрации» консерватизма XIX в. или возвращении в «прежнее русло эры Аденауэра и Эрхарда», представитель немецкого консерватизма Г.-К. Кальтенбруннер утверждал: «...именно консерватор нашего времени знает, что не только многое изменилось, но и что многое нужно

изменить». Быть консервативным – означает «маршировать во главе прогресса», заявлял Ф.-Й. Штраус в 1973 г. на съезде ХСС. По словам видного деятеля ХДС Р. Вайцеккера, консерваторы – за прогресс, ибо «тот, кто закрывает дорогу прогрессу, становится реакционером».

Очевидно, что правые и консервативные группировки пытаются обновить и обогатить свой идеологический и идейно-политический арсенал путем заимствования отдельных идей и концепций, свойственных вчерашним либералам и даже левым. В данной связи интерес представляет позиция Г.-К. Кальтенбруннера, по мнению которого новые консерваторы являются консерваторами в силу того, что они придерживаются либеральных позиций. По его словам, для консерватора возможна ситуация, при которой он может, «оставаясь на правом фланге, рассуждать в духе левых». В своих доводах Кальтенбруннер идет настолько далеко, что говорит о возможности сотрудничества «социал-консерваторов» с отдельными группировками социал-демократов и даже «марксистских ревизионистов».

Именно такие трансформации и создали основу для формирования либерально-консервативного или же либерально-консервативно-социал-демократического консенсуса в ведущих индустриально развитых странах Запада.

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ.
Проект № 12-03-00599 «Консерватизм в современном мире:
кризис или возрождение?».*

Список литературы

- Commentary*. 1984. February. P. 43-51.
Goldman E.F. 1969. *The Tragedy of Lyndon Johnson*. N.Y.: Alfred A. Knopf. 256 p.
Hofstadter R. 1965. *The Paranoid Style in American Politics*. N.Y.: Alfred A. Knopf. 344 p.
Rossiter C. 1955. *Conservatism in America*. N.Y.: Alfred A. Knopf. 320 p.
Schlesinger-jr. A.M. 1948. *The Age of Jackson*. Boston: Little, Brown and Company. 577 p.
Viereck P. 1962. *Conservatism Revisited*. N.Y.: Vintage Books. 306 p.
Viereck P. 1964. The Philosophical New Conservatism. – *The Radical Right*. Garden City (N.Y.): Doubleday. 140 p.

GADZIEV Kamaludin Seradzudinovich – Dr.Sci.(Hist.), Professor, Senior Researcher, Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (Profsojuznaja str., 23, Moscow, Russia, 117997; gajievks@mail.ru)

LIBERAL-CONSERVATIVE CONSENSUS IN THE WESTERN COUNTRIES

Abstract. The article attempts to identify and analyze some of the most important, according to the author's position, aspects of liberal-conservative consensus which emerged in the industrialized countries of the West in the second half of the 20th century. It is shown that since the end of the 19th century, especially after World War II, more or less significant changes took place in the leading trends of political thought, such as liberalism, conservatism and social democracy, which served as the ideological basis of the respective political parties. The essence of these changes consisted in bringing together the positions of their representatives on some key issues of socio-political system and ways of solving social and economic problems, which was the basis for consensus-building among the most advanced representatives of these trends and relevant political forces.

Keyword: liberalism, conservatism, social democracy, politics, party, consensus, state reform
